

Преодоление лиминальности как способ личностного жизнотворчества

Е. Е. Сапогова

доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии
Тулского государственного университета

Представлена авторская трактовка лиминальных периодов, понимаемых как субъективно переживаемый разрыв в непрерывно длящемся потоке жизненного опыта человека, связанный с осознанием смысловой завершенности определенного фрагмента жизни, когда необходима активизация внутренних эмоционально-когнитивных ресурсов для преодоления «себя-наличного» и становления «себя-иного». Преодоление лиминальности рассмотрено как поиск и построение новых смыслов, как акт свободного выбора и жизнотворчества субъекта, реализующиеся в выборах и поступках. Описана внутренняя структура лиминальных периодов как состоящих из фаз деструкции, реконструкции и конгруэнции. Рассматривается феномен синхронистичности и переживание «чувства верного пути».

Ключевые слова: лиминальный период, выбор, поступок, смысл, субъект.

Существование «разрывов» и «переходов» в целостном течении жизни человека давно обсуждается в психологии. По большей части их природа описывается в контексте взаимодействия субъекта и социокультурной среды, в характеристиках возрастных кризисов, кризисов развития, которые переживает взрослеющий человек, являющийся субъектом социализации и инкультурации (П. П. Блонский, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, С. Холл, К. Гетчинсон, Э. Мейман, Э. Эриксон, Р. Селман, Дж. Ловингер, Ж. Пиаже, Р. Кеган, Р. Голд, Я. Боом, Б. Д. Эльконин, В. И. Слободчиков, К. Н. Поливанова и др.). Речь обычно идет о том, что изменившийся субъект старается преодолеть с помощью ставших доступными новых психических ресурсов «старую» социальную ситуацию развития и достичь новой целостности между собой и социальной средой. В этом плане «прерывы постепенности» (Л. С. Выготский) выступают как закономерные и обязательные факты человеческой жизни, связанные с преодолением различных противоречий. Так понимаемые переходы описаны преимущественно для *становящегося* субъекта (кризисы трех, семи лет, подросткового возраста и др.) и в значительно меньшей мере — для уже *ставшего* (например, кризис среднего возраста [18], где внутренние противоречия онтогенеза накладываются на противоречия жизненного пути личности).

В отношении взрослой личности исследование проблемы перехода часто связывается с возможностями справляться с нормативными жизненными задачами (или задачами развития), встающими на ее пути (Н. Кантор, Дж. Килстром, С. Зиркель, А. Каспи, Дж. Марсия, Р. Хавигурст, П. Хейманс). Переход описывается как интервал, в пределах которого личность демонстрирует социуму свою способность справляться с ними, доказывая тем самым свою «состоятельность» и

получая в этой связи некое виртуальное право считаться более «взрослым», «зрелым», «опытным» и пр. Кстати, именно в этом контексте и возможны оценочные суждения типа «инфантильный субъект», «рано повзрослел», «умен не по годам» и т. п.

Жизненная задача понимается как поставленная в определенный момент жизни (как правило, в соответствии с традициями социума) и сознательно принятая субъектом цель, делающаяся значимым фрагментом его собственного жизненного плана. Таким образом, данное понятие охватывает широкую жизненную сферу субъекта — от получения профессии или рождения детей до достижения личностной независимости или обретения веры. Постановка и последующее решение жизненных задач, как правило, лежат в плоскости жизненного сценария (или сценария развития), в котором последовательность этих задач и, в известном смысле, сами задачи уже обозначены и освящены культурной традицией. Это не те задачи, которые личность усмотрела в индивидуальном бытии и поставила сама себе вне необходимости доказывать социуму свою зрелость.

Будучи субъектом, прошедшим пути социализации, взрослый человек обычно связывает переживание своей зрелости и «состоятельности» по преимуществу с тем, насколько успешно он решает нормативные жизненные задачи и в какой степени связанные с этим события осуществились. Их наступление и оказывается своеобразным внешним критерием зрелости. Нерешенные жизненные задачи, переживание неспособности справляться с ними создают ситуацию индивидуального жизненного кризиса, своеобразное «зависание» в развитии.

Начало переживания индивидуального кризиса ряд авторов (Дж. Якобсон, Дж. Каплан, Э. Линдемман, Р. А. Ахмеров, Ф. Е. Василюк, Г. Хилл) обычно связывают с неким критическим событием (утратой соци-

ального статуса, потерей, разлукой и пр.). Во многих случаях оно оказывается препятствием для наступления ожидаемого в контексте запланированной жизни события, приводящего к невозможности личности подтвердить, доказать социуму свою способность справляться с определенным типом жизненных задач и тем самым удерживать ситуацию индивидуальной жизни под контролем. Одновременно человек сталкивается и с вероятностными (ситуационными) кризисами, которые возникают в результате случайных обстоятельств, событий, не являющихся ожидаемыми, нормативными, и к решению которых субъект не подготовлен предшествующим опытом. По Дж. Якобсону, такой индивидуальный кризис вызван либо деформацией структуры эго, либо невозможностью реализации личности значимых для нее тенденций. Человек оказывается перед необходимостью справиться с такой жизненной проблемой, от решения которой он не может уклониться, но которая и не решается быстро и привычным ему способом [4]. Такие события могут быть связаны с внезапно диагностированными болезнями, потерей значимой собственности, утратой социального статуса, деформацией социальных связей, переосмыслением духовных, нравственных ориентиров, исчезновением жизненных смыслов, встречей с трудностями самореализации, «когнитивной интоксикацией» и др.

Протекание переходного периода, понимаемого как индивидуальный жизненный кризис, согласно Дж. Каплану, связано с усиливающимся напряжением, которое поначалу стимулирует использование привычных способов решения проблем, затем требует от личности мобилизации всех ее внешних и внутренних ресурсов и, наконец, на фоне непрекращающегося усиления тревоги и депрессии приводит к появлению чувства беспомощности и безнадежности, дезорганизации личности [4]. Легко увидеть, что при таком понимании протекание индивидуального кризиса похоже на переживание стресса, который, в принципе, может остановиться на любой стадии, если исчезает опасность или находится приемлемое решение. Дж. Каплан отмечает, что индивидуальный кризис может восприниматься личностью как некое жизненное испытание, но также и как непреодолимое препятствие для намеченного ценностного течения жизни. В последнем случае преодоление кризиса имеет своим результатом новую концепцию индивидуальной жизни, новый образ «Я», освоение новых жизненных ценностей и смыслов и т. д.

На наш взгляд, понимание проблемы «прерывов постепенности», являющихся составной частью всей онтологии личности, может быть дополнено еще одной плоскостью анализа. Ее образует не возрастная психология и не психология жизненных кризисов, а своеобразный синтез культурно-исторической и экзистенциальной психологии, поскольку предельным объектом анализа в них обеих становится развивающийся субъект, его бытие в мире, осознание им самого себя, своего места и предназначения в жизни. Если культурно-историческая концепция Л. С. Выгот-

ского обращена к истокам и социальным детерминантам развития, к развивающемуся человеку в совокупности его взаимодействий с реальностью, то экзистенциальную психологию вполне можно именовать психологией целостной взрослой личности, результирующей в себе накопленные и отобранные ею опыты взаимодействия с реальностью, бытия в ней. Центральной фигурой здесь выступает «человек живущий», его жизненный мир, рефлексия и переживания в отношении смыслов и ценностей своего существования, ответственности и возможностей самоосуществления в бытии. Экзистенциальная психология фактически есть психология *самодетерминируемой личности* [6], и в качестве ее предмета выступает жизнь человека как целостный феномен.

Но осознание, рефлексия целостной жизни есть некая методологическая химера, поскольку как таковая она в полной мере недоступна живущему субъекту — смысл своей или чьей-то другой жизни становится обозримым лишь тогда, когда эта жизнь завершена полностью. Собственно, живущему субъекту осознание смысла его целостной жизни часто и не требуется: он нуждается в наделении смыслом текущего момента жизни, а не в смысле жизни вообще, именно поэтому для обретения смысла он вынужденно делит естественную протяженность своей жизни на отдельные, субъективно значимые фрагменты. Поскольку осмыслить можно только то, что конечно, что уже свершилось и завершено, для конкретного человека его собственная жизнь предстает как комплекс субъективно связанных и рефлекслируемых отрезков, каждый из которых имеет свою индивидуальную семантику начала, протяженности и конца. Именно поэтому, на наш взгляд, проблема «разрывов постепенности» обретает новый ракурс рассмотрения, а именно: переживание субъективной завершенности одного фрагмента жизни, вхождения в другой и своеобразного «зазора», *самостоятельно выполненного личностью разрыва* между ними вне контекста, образуемого критическими жизненными событиями или возрастными новообразованиями. Думается, что в анализе проблемы переходов одним из наиболее увлекательных аспектов является выделение отдельных жизненных фрагментов и переживание разрывов постепенности жизни самим субъектом при осознании, планировании и свершении собственной жизни. Это феномен исключительно взрослой жизни, потенциал жизнотворчества и самоосуществления в которой значительно выше, чем в предшествующих, подконтрольных социализации возрастах.

Мы предполагаем, что в анализе переходных периодов жизни взрослого человека можно связать несколько важных для построения персональной онтологии психологических моментов: 1) персонально переживаемое содержание переходных периодов взрослых этапов жизни (с их субъективной семантикой начала и конца); 2) преодоление создающейся в переходах неопределенности как «поступание» [1], как личностно осмысленное деяние с последующим наделением определенных событий жизни статусом «судьбоносных»,

«жизнеобразующих»; 3) попытки активного личного вмешательства в свершение складывающейся жизни, «потенцирование» собственной жизни с целью реализации персональных смыслов.

Отличая анализируемые переходы от возрастных и жизненных кризисов, мы говорим о таких граничных ситуациях, когда изменяющийся во времени человек под влиянием определенных, субъективно принятых условий осуществляет экзистенциальный переход от одного свершившегося, «завершенного» для него фрагмента жизни к другому, воспринимаемому качественно иным и требующим преодоления приложения внутренних психических усилий, самозменения и «поступания». Вслед за В. Тернером [14] мы предлагаем именовать их лиминальными (от англ. «limit» — предел, «limen» — порог).

Ряд таких этапов, вероятно, переживается в естественном течении жизни вполне нормативно, но лиминальное состояние может быть вызвано и внезапным столкновением субъекта с жизненными обстоятельствами, которые требуют немедленного принятия решения, субъективно мотивированы желанием «перемены участи», выбора, преодоления себя. Иными словами, оно может быть «запараллелировано» как с возрастным, так и с жизненным кризисом. Но суть переживания и преодоления лиминальности (соотносимого с прустовским «усилием жить») состоит, на наш взгляд, в том, что, пережив этот период, субъект осознает себя заметно изменившимся, переставшим существовать в прежних привычных качествах, причем эти изменения произошли по его собственной воле, по его «хотению». Переживание этой разницы в осознании «себя-наличного» и «себя-иного» может считаться реальным воплощением известной метафоры личностного роста. Результатом преодоления лиминальности становится возможность «нажить», «прирастить» самого себя, в том числе и в тех пределах, которые не отражены в социокультурных прецедентах.

Лиминальное состояние есть фаза поиска человеком своего «я», аутоидентичности, подлинности, осуществление акта персонального творчества, ситуация реализации свободы. В лиминальных фазах свобода ярче всего являет себя как «специфически человеческое измерение бытия» [16, с. 127]. Эти граничные моменты чрезвычайно насыщены в бытийном, смысловом, эмоциональном плане и могут быть следствием решения определенных жизненных задач, но — sic! — *поставленных субъектом самому себе* (или осознанных как относящихся к его личности). Они, безусловно, сохраняют свой социальный контекст, но в его пределах наделены теми смыслами, которые человек кладет в основание своей жизни по *собственной воле*, как бы пересекая границу только лишь социальной необходимости. Это время максимальной открытости субъекта миру, ситуации отстранения от повседневного обыденного опыта, моменты своеобразных «смысловых прорывов» личности, свободного выбора ею для себя новых бытийных горизонтов и способов индивидуального существования. Одновременно ли-

минальные периоды — это еще и состояния самосозерцания, самоуглубления, принципиально отличные, по сути, от любых других форм активности личности, но соотносимые со своеобразной «духовной пыткой», добровольным самоиспытанием.

Понимание того как представляется самому субъекту изнутри движение от «себя-наличного» к «себе-иному», как осуществляются процессы самопроектирования и жизнотворчества, нам представляется чрезвычайно важным для понимания внутренней логики становления взрослой личности.

Рассматривая феноменальное содержание лиминальных периодов, мы говорим о содержании эмоциональных переживаний и когниций взрослого субъекта, оказавшегося в своеобразном «бытийном зазоре», когда некий фрагмент жизни кажется ему завершенным, исчерпавшим свой потенциал в продолжающейся жизни, а другой еще не наступил и может только потенцироваться субъектом. Вероятно, многим известны такие специфические состояния «самоотчужденности», которые переживаются «на следующий день после...» (защиты диссертации, окончания учебного заведения, ухода с работы, бракосочетания, получения известий о заболевании, ухода из родительской семьи взрослого сына или дочери и пр.). Движение к новому, вхождение в иное жизненное содержание во многом зависит от выбора субъекта, от тех его активных действий, которые и определяют «путь» — дальнейшее направление жизни и, в конечном итоге, то, каким субъект обнаружит себя в будущем. Такие переходы чрезвычайно трудны для осмысления и рефлексии, поскольку человек вынужден перейти «от одной определенности к другой, одного состояния системы в другое, что предполагает некую стадию деструктивности, утраты определенности» [16, с. 78].

В этом контексте понятно, что лиминальных периодов в жизни любого человека оказывается значительно больше, чем возрастных и жизненных кризисов. Можно попытаться очертить некую область жизненных событий, где переживается завершенность определенных жизненных фрагментов и ставится вопрос: «Как жить дальше?». Как минимум, это может происходить: 1) при окончании определенного дела, насыщенного для субъекта эмоциями и смыслами; 2) при наступлении некоторого экзистенциального события, происшествия, когда старая жизнь представляется разрушенной или законченной, а как строить новую, субъекту пока трудно представить; 3) при необходимости сделать важный для дальнейшего течения жизни выбор, насытить смыслом определенный жизненный проект, принять жизненно важное решение и т. д. (некоторые из этих выборов переживаются как более «сильные» в плане дальнейшего развертывания потенциала событийности, некоторые как более «слабые»); 4) при внутреннем признании своей несостоятельности в осуществлении реализуемой жизненной стратегии и необходимости найти конгруэнтный «режим жизни»; 5) при субъективно переживаемом нежелании «жить по-старому» в силу неудовлетворенности данным

жизненным модусом, поиске «жизненной новизны»; б) при переживании специфических экзистенциальных ожиданий в жизни, ни одно из которых до текущего момента не оправдывалось [12].

Думается, что лиминальность для взрослой личности есть полностью субъективный феномен — во внутреннем плане сознания он переживается как экзистенциальная пауза, «разрыв», «зазор длящегося опыта» [3], требующие избыточной смысловтворческой активности от субъекта для преодоления инерции прежней жизни. Именно это позволяет считать, что преодоление лиминальности есть акт свободного жизнетворчества личности. Его суть — в переживаемом как необходимым своеобразном *разотождествлении* личности с самой собой (с прежней собственной определенностью, состоятельностью, реализованностью) и вероятностно-возможностном *инвестировании* жизненных ресурсов в построение нового тождества.

Рассматривая лиминальные периоды (или состояния лиминальности) как экзистенциальный феномен, попробуем описать ряд их характеристик.

Итак, лиминальный период — это субъективно переживаемый разрыв в непрерывно длящемся потоке жизненного опыта человека, связанный с осознанием смысловой завершенности определенного фрагмента жизни и пока еще ненаступления нового фрагмента, когда необходима активизация внутренних эмоционально-когнитивных ресурсов для преодоления «себя-наличного» и становления «себя-иного». Внутренне он переживается как фаза нестабильности, разлада с самим собой, в той или иной степени дифференцированным переживанием необходимости «что-то менять», инициировать новые модусы жизни. Эмоциональный фон этих переживаний может быть как негативным (сопряженным с разочарованием, неудовлетворенностью, экзистенциальными фрустрациями), так и позитивным (обусловленным предвкушением новизны, переживанием «чистого листа», начала).

Переживание лиминальности стимулирует своеобразное «вбрасывание» в индивидуальное пространство осмысления различных идей, конструктов, моделей, образцов, интерпретаций, фантазий субъекта. Можно предположить, что эти экзистенциальные предположения в качестве онтологических допущений отстраивают в сознании субъекта некоторые возможные виртуальные реальности, в которых человек может помыслить самого себя, смоделировать персональное будущее в иных, чем прежние, обстоятельствах. Способность к подобному *экзистенциальному экспериментированию*, на наш взгляд, может быть рассмотрена как специфическое новообразование взрослости.

Моделируемые реальности обладают для человека цензом большей или меньшей осуществимости, большей или меньшей обыденности, большей или меньшей желательности [13]. Чтобы потенцирование перешло в инициирование и поступание, человеку необходимо самостоятельно усилить эти параметры для одних вариантов и ослабить для других — путем *смысловой амплификации*. Кроме того, вслед за Е. В. Суб-

ботским можно говорить о том, что усматриваемые в лиминальных состояниях реальности предстают сознанию как имеющие актуальное (сильное) бытие, потенциальное бытие или неполное (слабое) бытие, что может оказывать существенное влияние на выбор дальнейших желательных и насыщенных для человека бытийными смыслами модусов существования. В условиях определенной культуры (а следовательно, и в традиционной социализации) складывается «определенное предпочтение, задающее иерархию сфер реальности, феноменов, рациональных конструкций и образов представления по статусам бытия. Такое нормирование, облегчающее бытиизацию в стандартных условиях обыденной жизни, может приводить и к ошибочной бытиизации» [13, с. 385] (можно предположить, что примерно об этом же говорил и А. Адлер, обсуждая идею «фикционного финализма»).

В этой связи необходимо обратиться к роли социокультурных прецедентов [11] в умственном экспериментировании субъекта. Они выполняют как минимум функцию предварительного «размечивания» реальности (формирования области «предзнания»), предполагают оценочность в отношении моделируемых потенциальных реальностей и участвуют в их актуализации. На наш взгляд, прецедентные тексты, составляющие поначалу базис социализации ребенка, а позже отбираемые субъектом самостоятельно для самого себя (как «имеющие к нему отношение», «говорящие ему нечто именно о нем»), выполняют инициализирующую функцию в условиях отсутствия реальных культурных обрядов инициации. Прецеденты нужны для своеобразной *самоинициации* в определенные периоды жизни. Согласно М. Элиаде, человеку свойственно стремиться к инициированию, и инициация в трансформированном виде присутствует во всех социально-культурных измерениях. Он говорит и об инициационных сценариях, которые можно обобщенно сопоставить с прецедентами, косвенно связанными с основными экзистенциальными проблемами человека — разлука, смерть (боль, болезнь, пытка), новое рождение, уход (отшельничество, дауншифтинг), поиск защиты, победа, посвящение, прорывы в «надчеловеческое» и т. п.

Все лиминальные переживания связаны с осознанием необходимости перемен и, следовательно, *выбора* для формирования новой само-бытности (термин В. И. Слободчикова). Именно поэтому в лиминальных фазах субъект сильнее всего может переживать чувство, что он управляет собственной жизнью, направляет и определяет ее течение. В этом смысле лиминальность прежде всего связана с «сильными», «горячими», значимыми и ценностными для субъекта точками индивидуального бытия — именно в них свершается процесс самопостроения субъекта, максимального осознания себя субъектом, творцом собственной жизни. Это точки непрерывного *здесь-и-теперь себя-творения*, моменты средоточия собственной значимости и обретения аутоидентичности. В этом плане лиминальные этапы, несмотря на их эмоциональную сложность, более открыты в бытие и

помогают человеку снизить экзистенциальную «тревожность бытия», успокоить «модальное волнение», усилить осознание собственной ценности и уникальности в бытии.

Попытки «овладения судьбой», конструирование органичного человеку на данном временном отрезке образа жизни переживаются как акты свободы и глубочайшей *аутентичности*. Связанность лиминальных этапов с переживанием свободы и подконтрольности собственной жизни хорошо выражена формулой, предложенной Г. Л. Тульчинским: «свобода есть познанная возможность» [16, с. 94]. Вопрос же об основаниях свободных выборов выводит нас на вопросы о влиянии культуры, роли культурных прецедентов и неадаптивной личностной активности в самопроектировании и «поступании».

Культура предлагает личности разнообразные программы освоения реальности, очерчивая горизонты возможного развития, показывая, чего человек в имеющихся социокультурных обстоятельствах в принципе может начать желать и достигать, какими средствами ему надлежит воспользоваться, реализуя тот или иной выбор. В конечном итоге — это вопрос о нахождении смысла в качестве основания для дальнейшего «поступания». Базисным центром личностной субкультуры и смыслообразования можно признать *идеальный проект* (термин С. Н. Булгакова) и его реализацию субъектом как некоего «задания», определенного для себя им самим свободно, добровольно, исходя не столько из объективных предпосылок, сколько из субъективных мотиваций. Выбранный проект становится «*смысловой доминантой*» некоторого отрезка жизни (а может быть, и всей жизни в целом), определяющей значимость других признаков и отношений. Такое самопроектирование, трансцендирование человека, как бы и не скованное логикой внешней детерминации, позволяет осуществлять постоянное движение «от бытия к бытию». Содержание собственного идеального проекта человек кладет в основание своей культуры (персональной субкультуры), и его предельность, конечность определяется только его собственной онтологией.

Здесь стоит упомянуть еще один важный аспект в понимании сути преодоления лиминальности. В лиминальных состояниях сам человек на время обретает своеобразный статус *экзистенциальной маргинальности*. Жизнь достаточно часто ставит личность в ситуации, «когда за неимением социального образца она вынуждена в самой себе искать пути решения и выбора образа действия или мышления. В этих случаях проявляется способность личности к сверхпрограммному самоопределению и «самодостраиванию». Отсутствие предзаданной программы на все случаи жизни вызывает напряженные усилия по формированию нового опыта и осмысления. Именно ситуация непонимания, «удар о границы понимания» вызывает рефлексии, а в результате рефлексии и новое осмысление и понимание» [16, с. 142].

В этом контексте уместно вспомнить, что Э. Мунье говорил об «интегральном героизме» каждого субъек-

та, состоящем в возможности генерировать индивидуально своеобразные способы взаимодействия с реальностью при возникновении нетривиальных бытийных ситуаций, для которых не предусмотрены «ключевые» ответы, потому что *никто до этого человека не ставил таких вопросов* [7]. В потенциальной необходимости/возможности самостоятельно продуцировать ответы на впервые заданные вопросы человека к бытию и состоит трагизм индивидуального существования (или *тревожность индивидуального бытия*) — и именно в них раскрывается индивидуальный потенциал, экзистенциальный ресурс человека, и именно из этих точек личность получает возможность простирается в культуру. Добавим, что к предмету нашего анализа также применима идея В. А. Петровского о позитивном смысле неадаптивной активности человека [9] — в лиминальные периоды личность может либо пренебречь устойчивыми инвариантными социальными значениями и искать «свой путь», либо сделать выбор из имеющихся прецедентов.

Во многих случаях человек оказывается перед необходимостью «не механически считывать, а творчески распаковывать континуум смыслов» [8, с. 16–17], и чем он старше, тем самостоятельнее и независимее эти смыслы выбираются им из поля культуры, выстраиваясь в уникальную констелляцию, упорядочивающую и обрамляющую жизненный опыт. Более того, в лиминальных фазах человек демонстрирует и себе, и социальному окружению свое «*мужество бытия*», т. е. «идти к тому, о чем в принципе нельзя знать, чего нельзя достичь с помощью знания» [2, с. 152]. Сама возможность этого движения есть проявление его свободы и его подлинности.

По своему психологическому содержанию лиминальные периоды предполагают известный отказ от уже нажитых «образов я» и моделирующее, игровое вбрасывание (потенцирование) себя в будущее. В этом плане, как можно предположить, лиминальный период может иметь следующую структуру: 1) фаза *деконструкции* — разотождествление (и даже деструкция) «я» с самим собой, с прежней реализованностью, состоятельностью, определенностью (в этой фазе субъект проявляет повышенное внимание к темам смерти, катастрофизма, эсхатологизма, свободы, он внимательнее относится к эзотерическому гностицизму, мистике); 2) фаза *реконструкции* — вероятностное инвестирование жизненных ресурсов в новое тождество (сопровождается амбивалентными эмоциональными переживаниями — жадной новизны, смешанной с жадной сохранением стабильности, одновременно — начала и завершенности); 3) фаза *конгруэнции* — обнаружение, отыскание, выбор нового «образа Я», разработка под него жизненного проекта, сценария, целей и инициация нового модуса жизни (здесь личностный смысл соединяется с надиндивидуальными значениями, и человек начинает переживать равновесие между собой и миром, получив направление движения).

Пережив в лиминальном периоде экзистенциальный инсайт, сделав выбор, человек обретает новое тождество самому себе. Как отмечал Э. Мунье, лич-

ность не есть бытие, она есть движение бытия к бытию и обретает устойчивость и определенность благодаря *бытию, к которому она устремляется* [7].

В лиминальные периоды человеку открывается большой простор для принятия решения и выбора нового модуса жизни. На короткое время ему оказывается доступным широчайшее пространство возможностей, которое тут же «схлопывается», как только выбор сделан. Поэтому вслед за М. Эпштейном мы рассматриваем жизненный путь не только как состоявшийся процесс, но и как процесс *возможностный* [19]. Из всей совокупности возможностей человек может «здесь-и-сейчас» выбрать одну, оставляя иные в качестве возможных для себя в будущем или же полностью теряя их во времени. Некоторые из шансов не реализуются никогда, но продолжают сохраняться в индивидуальном сознании как значимые для человека «спящие» интенции, некоторые в силу их «уже-неосуществимости» переходят в план «выдуманных жизней», «легенд о себе», внутренних реальностей — своеобразных «игр с самим собой» [10]. Таким образом, лиминальные периоды связаны не только с неким потенцированием человека, но и с осознанием им границ, *пределов своей самоосуществимости*.

Переживание лиминальности также позволяет членить непрерывно текущий опыт на фрагменты, подлежащие осмыслению, упорядочению и трансляции в автобиографическом нарративе или социальном дискурсе (или, по крайней мере, фиксировать начала и концы этих фрагментов с целью придания им осмысленности).

Преодоление лиминальности, которое мы считаем одним из способов жизнетворчества, требует от человека «поступания» в отношении самого себя. Поступок выводит понимание человеческой онтологии за пределы детерминистской логики, поскольку он стимулирован именно рефлексивным сознанием (сознательным началом) и движим в своем свершении преимущественно индивидуальными интенциями. В лиминальных точках, как кажется, человек имеет больше возможностей обнаруживать «вне себя» новые основания для своих действий, и поступок синтезирует в себе найденные смыслы, осознанные возможности и принимаемую на себя личностью ответственность. В контексте работ М. М. Бахтина можно сказать, что поступок есть воплощение причастности человека к бытию, «укоренение» им себя в бытии.

Поступание, делание как таковое всегда содержит в себе внутреннюю направленность, предполагает следование по определенному пути, реализацию определенного проекта. Поступок есть воплощение уникального личностного начала в жизнь, превращение жизненного пути (который, как верно замечает Д. А. Леонтьев, в принципе не предполагает личностной активности [5]) в индивидуальное «дао» личности [20] — в понятное и принятое субъектом предназначение, его осознанную миссию в бытии. Именно здесь личность в полной мере может следовать самой себе, своему внутреннему закону, реализовать собственные смыслы и предназначение.

Преодоление лиминальности часто сопровождается эмоционально-когнитивным переживанием «чувства верного пути»: в нем не задано собственно конкретное «направление» жизни (как в целенаправленных действиях), а есть лишь переживание «истинности» пути (как переживание конгруэнтности себя самому себе). В переживании пути можно фиксировать когнитивный, семиотический (образ, идея), эмоциональный (оценка сделанных шагов) и действенный (совершение поступков или отказ от них) аспекты [5]. Именно «чувство пути» во многом определяет те выборы, которые человек совершает в жизни, помогает самопроектированию и оказывается существенным элементом становления аутентичности.

Пытаясь понять, как появляется чувство верного пути, мы среди прочих возможных факторов обратили внимание на феномен *синхронистичности* («значимых совпадений»), о котором писал К. Г. Юнг [21], имея в виду уникальные временные совпадения жизненных интенций человека с некоторыми событиями, происходящими с ним. Стоит отметить, что эти совпадения на жизненном пути человека совершенно не имеют причинно-следственной связи с действиями человека, они лишь по смыслу совпадают с его сознательными или бессознательными устремлениями. «Синхронистские события — это такие значимые совпадения, которые поражают нас идентичностью внутреннего и внешнего переживания. Например, когда мы испытываем внутреннее чувство гармонии, то обнаруживаем, что внешние конфликты разрешаются без какого-либо сознательного усилия, или мы видим во сне какой-то особый творческий прожект, а на следующий день кто-то из друзей приносит книгу, имеющую непосредственное отношение к предмету нашего интереса» [17, с. 103].

Такие субъективно подмеченные совпадения человек, переживающий лиминальное состояние, склонен интерпретировать не как случайность, объясняемую пусть и невидимыми сейчас, но все же имеющимися причинно-следственными закономерностями, а как «знак» откликаемости бытия, трансцендентный указатель верного пути («мне голос был...»). И здесь нельзя не согласиться с В. Франклом, указывавшим, что смыслы не изобретаются самим субъектом, а «вычитываются», «выслушиваются», «высматриваются» им из реальности. Здесь стоит добавить, что «предсказываются» и «просматриваются» не сами события, а лишь *качество возможных событий*. Отслеженная субъектом синхронистичность выполняет функцию «подталкивания» его в определенном направлении за счет насыщения именно этого направления в выборе *избыточными смыслами*, привлечения именно к ним его внимания и активности. Движение в этом направлении человек и может считать движением к собственной подлинности, реализации собственного угаданного предназначения на определенном отрезке жизни.

К. Г. Юнг, а позже и В. В. Налимов говорили о возможности *смыслового*, а не причинно-следственного появления определенных цепочек совпадаю-

щих событий в жизни человека. Вполне понятно, что этот феномен обнаруживает себя действительно в «сильных», действительно значимых для человека «бытийных средоточиях» («точках бифуркации»), в минуты жизненно необходимого выбора и глубокой погруженности человека в рефлексию относительно самого себя, смыслов своего существования.

В лиминальные фазы все происходит так, как если бы жизнь человека, разворачиваясь по принятому устойчивому сценарию, в некие моменты достигала точки необходимости качественного изменения, где есть варианты дальнейшего развития и возможны случайные выборы, «по смыслу» связанные с его предыдущим опытом. Жить только «по судьбе» взрослому человеку, очевидно, нельзя, он должен жить и «по собственной воле» (с этим и связана зрелость), определенной его системой смыслов и ценностей. Об этом очень интересно пишет В. Н. Топоров: «Жить только “по судьбе” — отказ от свободы воли; жить только в соответствии с принципом свободы воли, без оглядки на судьбу, означает выбор эгоцентрической, изолирующей человека от мира... позиции. Та же самая ситуация может быть проинтерпретирована и в рамках причинно-следственной конструкции. В этом случае в месте встречи человека с судьбой он выступает как результат-следствие неких исходных условий, осложненных впоследствии дополнительными обстоятельствами, которые могут быть поняты как причина. И в точке встречи человека с судьбой ...происходит снятие-преодоление “причинно-следственного”: прошлое “снимается” не только как время, но и как деяния, в нем совершенные, т. е. как некая “кармическая” сумма. В точке встречи человека с судьбой... человек преобразуется, и теперь ему открыто знание, получен ответ на его вопросы, которые обращались до сих пор вовне, откуда ожидался и ответ на них. Знаком этого знания становится то “новое” информационное пространство, в которое он отныне входит. ...Теперь он может сознательно ...отдаться этой судьбе, признаваемой своей, но может и вступить с нею в спор, ...совершая тем самым некое важное авторефлексивное движение.

Этот прорыв в “новое” знание — прорыв к самопознанию, вольный или невольный отклик на сократовский призыв познать самого себя, заявка о достоинстве человека, личности, Я» [15, с. 39—40].

Преодоление лиминальности выглядит в этом контексте так: жизненная ситуация человека достигает некоторого предела, где ее качественное изменение решает случайный=волевой выбор субъекта (хотя, согласно известному афоризму Луи Пастера, «случай благоволит подготовленному разуму»).

К обсуждению феномена синхронистичности можно привлечь также понятие лиминальной фигуры, предложенное в лингвокультурологических работах Дж. Нады [22]. Он говорит, что такие фигуры соединяют в себе дwoящиеся, почти несоместимые признаки старого и нового качества, а потому восстановление субъектом экзистенциального равновесия и/или окончательная трансформация в новое «я» во многом зависят от того, какими их будет «узнавать» его окружение, — будет ли оно поддерживать «старые» характеристики субъекта или подкреплять «новые». Совпадение внутренних интенций с как бы «работающими на них» внешними событиями интерпретируется субъектом как акт взаимного «узнавания» личности и бытия («раз это случилось, значит, все правильно, и я на верном пути»). «Дао» «узнает» своего носителя, и под влиянием активно рефлексирующего сознания смыслы, дремлющие (потенцированные) в бытии, начинают оживать, раскрываться, распаковывая множественные возможные реальности, доступные «я» «здесь-и-теперь». Из них субъект и делает выбор, который реализует в поступке.

Таким образом, интерпретация субъектом синхронистичности внутренне связана с личностными усилиями и поступанием как реализацией личности своего понятого и принятого предназначения, поскольку переживается как конгруэнтность бытия субъекту, как их взаимная участность, совместность. И в этом плане личностная жизнь является *специфическим творением субъекта*, воплощением экзистенциального творчества, самостроительства.

Литература

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Собр. соч. Т. 1. М., 2003.
2. Губин В. Д. Онтология. Проблема бытия в современной европейской философии. М., 1998.
3. Зинченко В. П. От классической к органической психологии (К 100-летию Л. С. Выготского). М., 1996.
4. Козлов В. В. Работа с кризисной личностью. М., 2003.
5. Леонтьев Д. А. К психологии поступка // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2006. № 2 (9).
6. Леонтьев Д. А. Что такое экзистенциальная психология? // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М., 1997.
7. Мунье Э. Манифест персонализма. М., 1999.
8. Налимов В. В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М., 2000.
9. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М., 1992.
10. Сапогова Е. Е. «Легенды о себе»: к проблеме интерпретации личностных мифологем взрослых в психологическом консультировании // Психологическая служба (Минск). 2003. № 2.
11. Сапогова Е. Е. Прецедентность в структуре первичной социализации ребёнка // Человек в современном социуме: культура, этнос, гендер: Материалы Международной научной конференции (15—16 мая 2008 г. Тула) / Под ред. Е. Е. Сапоговой. Тула, 2008.
12. Сапогова Е. Е. Экзистенциальные ожидания как фактор развития во взрослости и старости // Человек в современном мире: Сб. науч. трудов / Под научной ред. Ю. Н. Карандашева, В. Н. Шашок. Минск, 2007.
13. Субботский Е. В. Строящееся сознание. М., 2007.

14. Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.
15. Топоров В. Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
16. Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб., 2002.
17. Уильямс Д. Л. Пересекая границу. Психологическое изображение пути знания Карлоса Кастанеды. Воронеж, 1994.
18. Холлис Д. Перевал в середине пути: кризис среднего возраста. М., 2002.
19. Эпштейн М. Философия возможного. СПб., 2001.
20. Юнг К. Г. О становлении личности // Юнг К. Г. Конфликты детской души. М., 1995.
21. Юнг К. Г. Синхроничность. М.; Киев, 1997.
22. Nagy J. F. Liminality and knowledge in Irish tradition // Studia Celtica. 1981. Vol. 18–17.

Overcoming Liminality as a Mean of Person's Life-Creation

E. E. Sapogova

PhD in Psychology, Professor, Head of the Psychology Department, Tula State University

The author advances several characteristic features of liminal periods understood as breaks in the continuity of life experience determined by realization of termination of definite fragments in one's life span. It is at this stage when inner emotional and a cognitive resource of personality activation is necessary to overcome one's «actual self» in order to create one's «new self». Liminality overcoming is considered to be an act of personality construction, act of search and construction of new meanings, act of free choice and life-creation that is realized in choices and real deeds. Describing the steps of overcoming liminality (deconstruction and congruence) the author touches upon the phenomena of true-way feeling and synchronicity which personality interprets as response of being to individual's life-creation acts.

Key words: Liminal Period, Life-Choice, Deed, Meaning, Subject, Life-Span, Life-Creation.

References

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Собр. соч. Т. 1. М., 2003.
2. Губин В. Д. Онтология. Проблема бытия в современной европейской философии. М., 1998.
3. Зинченко В. П. От классической к органической психологии (К 100-летию Л. С. Выготского). М., 1996.
4. Козлов В. В. Работа с кризисной личностью. М., 2003.
5. Леонтьев Д. А. К психологии поступка // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2006. № 2 (9).
6. Леонтьев Д. А. Что такое экзистенциальная психология? // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Шур. М., 1997.
7. Мун'е Е. Манifest персонализма. М., 1999.
8. Налимов В. В. Разбрасываю мысли. В пути и на репуте. М., 2000.
9. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М., 1992.
10. Сапогова Е. Е. «Легенды о себе»: к проблеме интерпретации личностных мифологем взрослых в психологическом консультировании // Психологическая служба (Минск). 2003. № 2.
11. Сапогова Е. Е. Прецедентность в структуре первичной социализации ребенка // Человек в современном социуме: культура, этнос, gender: Материалы Международной научной конференции (15–16 мая 2008 г. Тула) / Под ред. Е. Е. Сапоговой. Тула, 2008.
12. Сапогова Е. Е. Экзистенциальные озидания как фактор развития во взрослости и старости // Человек в современном мире: Сб. науч. трудов / Под науч. ред. Ю. Н. Карандашева, В. Н. Шашок. Минск, 2007.
13. Субботский Е. В. Строящееся сознание. М., 2007.
14. Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.
15. Топоров В. Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
16. Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб., 2002.
17. Уильямс Д. Л. Пересекая границу. Психологическое изображение пути знания Карлоса Кастанеды. Воронеж, 1994.
18. Холлис Д. Перевал в середине пути: кризис среднего возраста. М., 2002.
19. Эпштейн М. Философия возможного. СПб., 2001.
20. Юнг К. Г. О становлении личности // Юнг К. Г. Конфликты детской души. М., 1995.
21. Юнг К. Г. Синхроничность. М.; Киев, 1997.
22. Nagy J. F. Liminality and knowledge in Irish tradition // Studia Celtica. 1981. Vol. 18–17.